

Сергий Чернец

Путевые заметки

Рассказы

Сергий Чернец

Путевые заметки. Рассказы

«Издательские решения»

Чернец С.

Путевые заметки. Рассказы / С. Чернец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859687-2

Дорога — вся наша жизнь, и на пути нам встречаются разные люди, их рассказы автор записал как художественные произведения, а также записал свои путевые заметки.

ISBN 978-5-44-859687-2

© Чернец С.
© Издательские решения

Содержание

Рассказы	6
Встреча с искусством	6
О славе	10
Перемена	11
Юркина любовь	14
Кризис (рассказ)	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Путевые заметки Рассказы

Сергий Чернец

© Сергий Чернец, 2017

ISBN 978-5-4485-9687-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы

Встреча с искусством

В старые времена любая учеба не обходилась без насилия над учеником. И в древнегреческих школах в ходу были розги, учеников наказывали, заставляя учить правила, грамоту. Так и вся культура насаждалась насильственно во все времена – культура поведения в том числе.

И в относительно, исторически, новые времена, при строительстве «нового общества» (других методов не изобретая) не щадя ни своих (по языку) ни иноверцев, на большом государственном уровне новые власти насаждали свою культуру насильственно. А для соблюдения всех правил власть не обходилась без чиновников, управляющих и контролирующих органов. Сколько бы свобод не провозглашалось: свобода слова, свобода мыслей, вероисповедания, – власть «нового счастливого будущего» (коммунизма), ограничивала всякую свободу, наказывая непослушных.

И ради насаждения своей властной культуры во всех провинциях появились свои клубы, куда заезжали ученые-лекторы, чтобы читать публичные лекции о международном положении и прочем.

Тогда и все деревни были заполнены людьми, и в каждой деревне был свой клуб, где показывали фильмы и куда приезжали шефы, концертные бригады из городов. Колхозы в большинстве своем были дотационные. Потому что на своих прибылях жили редкие большие хозяйства, и то нужно было, по указке власти, помогать отстающим колхозам.

А народ перестал хозяйствовать, но только научился воровать, даже не разумея этого. А чего же не взять мешок зерна? Хозяйство не обеднеет, – государство поможет: и семена для посева дадут, помогут отстающему колхозу!

Когда же, вдруг, «власть переменялась», – как в том же фильме «Свадьба в Малиновке» дед шапку-буденовку со звездой – то надевал, то снимал и прятал за пазуху, когда власть в деревне менялась с пришествием бандитов, – деревни и села враз обеднели. Помогать уже никто ничем не хотел задарма. Всё стало стоить денег и денег немалых, а в сотни раз больших: если бензин стоил 7 копеек, а солярка вообще не мерялась, – то вот и 20 рублей и 30 рублей и уже 35 рублей цена одного литра.

Куда было деваться народу? – туда, где больше средств – все потянулись в города. Деревни опустели.

Теперь мы можем видеть покинутые деревни. Часто в деревнях почти половина домов покинута своими хозяевами, полуразрушена, и темные окна без рам глядят на вас, как глазницы черепа. Оставшиеся обыватели-крестьяне – бывшие. Потому что крестьянами полноценно их назвать уже нельзя. Они за долгий период (более 70 лет) разучились работать на своих участках земли. В период колхозов всем растениеводством: посевами, сбором урожая, уходом..., руководили отдельные люди – агрономы, указания которых «крестьяне»-колхозники только исполняли. А когда агрономов не стало, за своим огородом бывший колхозник мог ухаживать только как любитель-садовод. Тогда как раньше, каждый крестьянин знал агрономию и передавал её из поколения в поколение от отцов к детям; определяя, например, время посадки овса или ржи по состоянию земли народным способом: буквально, сняв портки садился на землю голой пятой точкой и чувствовал – идет ли «тепло земли». Не случайно поговорка: «задницей чую» – так землю проверяли «на спелость».

Нынче всякое знание уже позабыто. Обыватели ведут сонную, пьяную жизнь и вообще живут впроголодь, чем Бог послал. Пробавляются поставками продуктов в магазинах городов на скудные пенсии оставшиеся старики. Молодежь же на заработки уезжает в злые города.

Из более молодых людей, чуть моложе пенсионеров, немало бандитов и преступников, которые разбогатели в трудные времена переходного периода и которые и не скрывают своих профессий – обманщиков, по старому закону – спекулянтов. Они скупают за бесценок у тех же крестьянских хозяйств, пытающихся заняться фермерством, продукты. И продают потом им же, крестьянам, в своих супермаркетах эти продукты втридорога, а то и вдесятеро дороже, упаковав в яркие красочные баночки, коробочки, кулечки с картинками, с издевательскими названиями: домик в деревне, бабушкино молоко... и так далее. Там бабушку ту же буквально грабят, в супермаркете в этом, её же молоко по 2 рубля за литр купленное – ей же продают за 50 или даже за 80 рублей! Спекуляция.

Спекуляция возведена в ранг основной социальной политики общества. Спекуляция во всем достигла высот, и в культуре. А как же.

Спекулируют на самых низменных чувствах человека, чтобы заполнить концертные залы, театры и кино. Буквально 100 лет назад нельзя было и коленки открывать при людях и опростоволоситься без платка, – то теперь платья стали с такими вырезами, что груди вываливаются и все трусы на виду.

А мужики о всякой чести понятия растеряли, дерутся везде и всюду, обижают и старого и малого.

Что до разговоров: все разговоры о деньгах, об сомнительных удовольствиях, да о жратве. О какой культуре речь? – история и культура, кажется, совершенно чужды людям – и Пушкин и Гоголь непонятны молодым особенно людям, поэтому и не нужны. Наша история скучна и человек культурный кажется иностранцем, из другой страны приехавшим, среди родного языка сверстников.

Так и в отношении религиозном и политическом в людях замечается полнейшее равнодушие. Ну, есть там Церковь и Бог бы с ней! – есть там другие страны с конфликтами, – те далеко в неизвестности. А те же священники – богатейшие люди, едущие на дорогих машинах и живущие в двухэтажных роскошных коттеджах. Одного из священников я видел садящимся в роскошную машину, неприступного: у него рядом шли два телохранителя в черных костюмах; тут же мне рассказали (вездесущие всёзнающие старушки), что он занимается своим бизнесом, содержит несколько магазинов в разных районах города, в которых торгуют выпечкой, у него и пекарня своя имеется.

Рыцарское обращение с женщинами, любовь к своим женам, остается показушное. Среди мужчин не считается зазорным не только изменять своим женам с платными проститутками, но не зазорно иметь любовницу, когда все приятели давно имеют таковых. А приверженность моногамной любви – скорее выглядит предрассудком.

На фоне такой современной обстановки довелось мне заехать в этот провинциальный городок N.

У автовокзала весь район выглядел как большая деревня. В нем не было ни одной каменной постройки, а всё было представлено деревянными домами с огородами палисадниками вдоль дорог и улиц. Сам городок виднелся вдалеке на высокой горе с домами пятиэтажками, среди которых несколько девятиэтажных дома-башни, отсюда снизу, выглядели, казались, небоскребами. К ним вела крутая хорошо асфальтированная дорога с высокими бордюрами с одной стороны, с той по которой вровень с бордюрами проложен был пешеходный тротуар. Тротуар широкий асфальтированный и с лавочками со стороны домов через каждые 150 или 200 метров, на которых старички могли отдохнуть, поскольку в гору идти было довольно трудно. Всё бы ничего, – но пока я «взбирался» на гору с сумками в руках (о! ужас) – меня окружали тучи комаров, буквально тучи, в темнеющих сумерках, в отражении закатного багрового света, перед лицом было темно от них. Я думаю, что если б остаться посидеть-отдохнуть на лавочках под открытым небом, не используя средств от комаров, которых я по незнанию

не имел, то можно было погибнуть или, по меньшей мере, сойти с ума. С такими мыслями я и подошел к дому на две семьи, к одноэтажному барaku, разделенному надвое; и палисадник-огород перед ним тоже разделен был срединным штакетником пополам. Я застал изящно приодетую (возможно к моему приезду) тетю Свету. Пожилую женщину, к которой меня просили зайти и передать ей посылочки.

На всех окнах, затянутых марлей с уличной стороны, как я заметил ранее, ещё висели плотные шторы закрывающие свет. Но комары всё-таки были в комнате, и жужжали в прихожей по темным углам у потолка. Я было спросил об этом, на что тетя Света махнула рукой, – что она уже к этому привычна. Тогда я подумал, что надо бы купить какой-нибудь фумитокс.

В комнате обстановка не богатая, но в убранстве чувствовалось что-то милое и сервант, в котором фарфоровые фигурки напоминал о детстве. На стене над кроватью висел знакомый ковер с оленями на полянке, какой был во многих семьях и у нас. Мы жили раньше в соседнем таком же бараке, и дружили семьями, пока отец не получил квартиру в другом городе, где работал, далеко от родного поселка. Со временем поселок получил статус города, хотя городом я его не помнил (считал его посёлком).

Висели по стенам какие-то этюды-картины, женская голова, нарисованная карандашом, – молодая тетя Света. Оказывается, муж тети Светы был художник, а я его почти не помнил.

И был вкусный ужин и откровенный разговор, тетя делилась с «племянником» своими воспоминаниями.

У каждого человека что-нибудь спрятано, чем можно поделиться только с близкими людьми. Под старость тетушка осталась совсем одна, поэтому и была столь многословна, переключаясь в рассказах неконтролируемо с одной темы на другую.

Как будет лежать человек в могиле один, так в сущности и живет он в последние годы одиноким. Память на старости лет иногда путается, забываются и подробности событий, и человек старый, желая дополнить точностью свои воспоминания, прибегает к сочинению невольной лжи. Но ему верит молодое поколение, потому что ложь говоритсЯ с авторитетом «старомудрости». Что бы ни придумывал пожилой человек, остается основное, – то самое «мудрое зерно», которое вне чувств человека. Старики теряют зрение, слух, могут утратить некоторые физические воспоминания, но «мудрое зерно», тот дух, это нечто иное вне всех физических чувств, оно в стариках остается жить.

Человеку только начинающему свой путь – жизнь кажется великой, громадной, а сам он сидит на своем маленьком пяточке. О чем знают все старики и говорят об этом, что вокруг себя нужно прежде всего всё устраивать. А молодежь слушает стариков с недоверием и всегда куда-то стремится – ввысь, в далекие страны и прочее. Но чаще всего мечты о дальних странах остаются мечтами.

От тетушки услышал я знакомую с детства историю, подробностями воспоминаний, про дядю, который семнадцатилетним пошел на фронт, воевал и два раза побывал в плену у немцев, в Великую отечественную. Он оба раза убегал из плена. Тетя Света вспоминала, что встретились они, когда дядя учился в Художественном училище и подрабатывал при театре художником-оформителем сцены, а она приняла его за артиста....

После того, когда они поженились, дядюшку признали «врагом народа» – за то, что он немцам в плен, якобы, сдался сам. 10 лет он отбывал в Коми республике, и там перемерз, но вернулся в 53-ем. Однако и после смерти Сталина снова он попал в немилость властей, и ему указано было выселиться на 101-й километр. Так они поехали в этот дальний край: – По доброй воле сюда не заедешь! – Тут из ближайшего крупного города дядю тоже «попросили», – нашли ему место в этом посёлке. Работал он при клубе, который преобразился в ДК – дворец культуры, по мере того, как посёлок разрастался и во всем этом дядя принимал активное участие; он даже занимал пост заместителя директора нового Дворца Культуры.

Но под конец знакомых мне воспоминаний тети Светы, я услышал совершенно неизвестную, скрытую историю про дядю-художника. Занимаясь своей работой при Дворце Культуры, он рисовал рекламные большие плакаты к фильмам, которые шли в кинотеатре, к спектаклям в театре, оформление сцены тоже лежало на нем.

А кроме того было у него увлечение, хобби, которому он посвящал всё свое свободное время.

– То, что в нашем городке N с важностью зовется «заводским производством», только с внешней стороны обставлено красиво и шумно, – начала рассказывать вкрадчивым тоном, будто приоткрывая тайну, тетя Света. – Этот «Завод» не имел серьезного значения. Поначалу, это были литейные мастерские и кузница. А ты видел ворота на въезде в заводскую территорию? Это «резные», кованые рисунки и фигуры людей работающих с молотом на наковальне – их изготовил дядя-художник по своим рисункам-эскизам. Его, конечно, учили мастера кузнечны. А затем он стал заниматься художественной ковкой постоянно, был частым посетителем, своим, в кузнечном цехе разрастающейся литейной мастерской. Превратившейся теперь в Завод.

Изготавливали, и до сих пор выпускают массово, на нашем «заводике» печные дверцы вместе с задвижками, а на дверцах, снова по рисункам дяди-художника отлиты изображения – фигурки лошадей с развевающимися гривами, цветы и узоры. Еще отливают крышки для канализационных люков. А дядя сделал также ограждения из кованого железа, которые стоят в центре города, отделяя проезжую часть от тротуара, – на них кованые розы. Поступали заказы на кладбищенские оградки, и дядя предлагал заказчикам свои рисунки, по которым изготавливал эти оградки. Кроме этого, из железа, кованный, стоит и украшает наш парк памятник – фигура девушки, окруженная цветами. Еще есть два фонтана с фигурами изготовленными дядей-художником. Ой! Сколько сделал дядя заказов из других городов...

Оказалось эта сторона жизни, и работы художника осталась никому неизвестная.

После этого тетя Света доставала альбомы с рисунками, с эскизами, карандашными набросками и весь вечер, до самой полуночи мы рассматривали их с пояснениями и рассказами тети Светы: где они стоят, где находятся изготовленные оригиналы.

На другой день, прежде чем уехать из города детства, я прошел по всем его улицам, побывал в парке и полюбовался работами дяди-художника, который часть своей жизни потратил на украшение города. Побывал я и на кладбище, посетил могилы своих знакомых, и там я увидел прекрасно исполненные кованые оградки.

Мне пришли на ум, вспомнились знаменитые слова Пушкина: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный (перед собой я видел иной памятник, – рукотворный как раз), к нему не зарастет народная тропа». Тропа на могилы своих родителей на кладбище действительно не зарастает, особенно к таким могилам, оформленным такой красоты оградками.

Конец

О славе

Хрестоматии полны успешных и достойных деяний, – о разумных поступках говорится мало, и разум еще не прославляется ни одним историком. О простых и разумных деяниях мы часто забываем.

Подальше от рынка и славы уходит всё великое и хорошее: в стороне от рынка и славы жили всегда изобретатели новых ценностей.

Слава – она как тот же яд, бывает полезна человеку в небольших дозах. И слава – товар невыгодный. Стоит дорого, сохраняется плохо.

Из всех родов славы самая лестная, самая великая, самая неподкупная слава народная. (На памятниках было запечатлено имя дяди-художника, и народ знал это имя, не подозревая, что художник жил тут же, рядом с ними).

Быть в мире и ничем не обозначить своего существования – это кажется для любого таланта ужасным.

«На земле, где всё изменно,

Выше славы блага нет» – сказал еще поэт Тютчев.

И тот же Пушкин возражая сам себе однажды провозгласил:

«Что слава? Яркая заплата

На ветхом рубище певца».

И он же, Пушкин, призывал к другому: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие».

(Поэтому я обрадовался, что на входе во Дворец Культуры, в ДК, на стене была установлена доска с изображением дядюшки: здесь работал знаменитый художник...).

Высшая похвала художнику – это когда перед его произведением забываешь о похвалах, – сказал один из великих и известных людей, где-то прочел я ранее.

О славе говорили многие и много хорошего:

Желание прославиться порождает таланты, соревнование талантов – производит гениев, – что интересно.

Любовь к славе, по простому, есть желание понравиться себе подобным. Желание славы свойственно всем людям. Мы как бы умножаем свое существо, когда можем запечатлеть его в памяти других. И унция славы весит намного больше, нежели фунт жемчуга.

Бессмертие животных – в умножении потомства, бессмертие человека же – (в другом), во славе, заслугах и деяниях оставленных для потомков.

А самый краткий путь к славе прост – это делать по убеждению своей совести то, что делаем мы ради славы – трудиться на своём поприще. Слава «в руках» труда.

Конец.

Перемена

В связи с перестройкой социальной обстановки, меняются и установки личности человека. И это не есть следствие злой воли, какого-то крайнего эгоизма или ещё каких-нибудь дурных наклонностей. Наоборот, человек вроде бы становится честен, справедлив, рассудителен, разумно экономен..., он не дерется, не кричит, добродетелей у него гораздо больше, чем недостатков.... Так кажется со стороны.

Изменились основы внутренние, если угодно сменилось некоторое внутреннее божество, а вместе с ним и вся нравственная основа потерпела изменения. Люди стали черствы и суровы потому, что бескорыстно и самоотверженно служат новому абсолютному, несомненному, как божество, принципу. Всё человечески живое, по искреннему новому убеждению, склонно к беспорядку и отклонениям от нормы и поэтому должно быть подчинено этому жестокому принципу: «за всё надо платить!».

Нужно платить за учебу детей, нужно платить за еду и воду: «Каждый глоток стоит денег» – внушается ровным голосом школьникам, и за это нужно работать (твоим родителям, а потом и тебе).

И в этом не вина отдельного человека – это всё общество так перестроилось.

Исповедуемые «новые» постулаты, совсем не новы; они общеизвестны. «Каждый должен получать своё», «я сам тружусь и привык ценить чужой труд», умеешь есть, умей же и работать» – возразить нечем. Всё как в известной басне Крылова «Стрекоза и Муравей»: «лето красное пропела..., ты всё пела – это дело, так пойдика попляши».

Людям теперь с детства проповедуют с глубоким убеждением, что это непреложные законы бытия. И уже выросшие молодые люди чувствуют себя постоянными нарушителями этих законов, когда кто-то им бескорыстно помогает, или когда они сами кому-то решатся помочь из простого человеколюбия.

«Чтобы иметь лишних детей, нужно иметь лишние деньги», изрекает один из врачей молодых, что работает в частной клинике. И на лице у роженицы показывается виноватое выражение, точно она произвела на свет живое существо без позволения, из пустой прихоти. Мир стал достаточно жесток.

Литература – отражение времени. И писатели ощущают перемены раньше, и отзываются на них. В литературе каждой эпохи действует немало добросовестных, «рядовых» работников, которые чаще всего по недостаточной еще развитости своих творческих возможностей скромно выбирают в существующей художественной системе наиболее, по их мнению, совершенные принципы и в меру своих сил стремятся овладеть ими. Такие писатели легко и непринужденно отвечают на ходовые запросы современников, могут сразу привлечь к себе внимание и стать знаменитостью. – Например, в свое время проза Ф. Булгарина была в большем ходу, чем проза Пушкина или Гоголя. В 1890-х годах многие критики на полном серьезе писали о превосходстве И. Потапенко с его «бодрым талантом» над Чеховым; тогда же пьесы В. Крылова или А. Шпагинского пользовались большим успехом, чем пьесы Чехова. Примеров такого рода много и в другие ранние эпохи. Но кто, кроме историков литературы, знает в наши дни что-нибудь о том же Потапенко или о том же Крылове и Шпагинском? Время убеждает, что такие баловни успеха и моды обладали только одним несомненным талантом – приспособительной пластичностью.

В маленьких рассказах лучше недосказать, чем пересказать, потому что... потому что... не знаю почему» – писал Чехов в одном из писем другу. Всё достаточно просто – мы вполне

рассчитываем на читателей, полагая, что все недостающие в рассказе субъективные элементы он додумает, добавит сам.

В наши дни знатоки эстетики и теории литературы обыкновенно говорят, что у каждого крупного художника своя модель мира, – то есть, свое глубоко продуманное, пережитое и выстраданное понимание жизни, разумея при этом прежде всего понимание человека во всей бесконечной сложности его отношений: к природе, к другим людям, к обществу.

Но, принимая этот скомпрометированный модой термин – надо иметь в виду, что Самобытность любой такой модели писателя относительна.

Каждый подлинный художник, какой бы он ни был масштабный – будь он хоть сам Шекспир, – неизбежно должен войти в определенную систему ценностей литературных, в основе которых лежат наиболее влиятельные или наиболее распространенные взгляды на жизнь и на мир. А «корпус» этой системы образуют соответствующие этим взглядам эстетические представления и художественные вкусы современности, а также способы и приемы изображения окружающей действительности в современное время.

Поэтому во времена, когда было модным описывать многочисленные сопутствующие факторы: бакенбарды, рюшки оборки платьев, и прочие подробности. Стиль Чехова не воспринимался всерьез.

Сознательное самоопределение в системе ценностей эпохи, как правило, начинается лишь тогда, когда проходит пора первых попыток творчества. Дело это бесконечно сложное, а во многих случаях даже трагически мучительное. Многое тут зависит и от масштаба дарования и от того, какова способность его носителя сопротивляться напору враждебных творчеству обстоятельств, развращающих и в конце концов подавляющих подчас даже очень крупные таланты.

Невероятно правы древние. История человечества «ходит кругами», как сказал небезызвестный мудрейший Соломон. А еще вернее, всё движется по спирали: улучшается обстановка, а нравы возвращаются к прошлому веку, всякий раз.

Никто не смеет отрицать сам факт усиления буржуазности (капитализации) во всех сферах общественной жизни. Всё развитие общества, все изменения происходят под напором капиталистического начала.

Всё это началось давно во времена Л. Н. Толстого. Он писал в «Анне Карениной» устами Левина в чем состоял «перевал» русской истории после 1861 года: «У нас теперь всё это перевернулось и только укладывается», – трудно себе представить более меткую характеристику периода 1861—1905 годов. То, что «перевернулось», хорошо известно – это крепостное право и весь «старый порядок», ему соответствующий. То, что «только укладывается», совершенно незнакомо, чуждо, непонятно было самой широкой массе населения.

Казалось бы, что перед литературой того времени, естественно, вставала задача, которую не заметить было просто невозможно, – запечатлеть и осмыслить черты нового, «только укладывавшегося» строя жизни. Но эта задача как одна из важнейших была понята не так скоро, как можно предполагать. Прежде всего она оказалась необыкновенно сложной.

Вот опять придется напомнить, что история возвращается «на круги своя».

И в наши времена случилось – перемена в обществе, привела к тому же самому, к той ситуации, как это было после отмены крепостного права. И ничего нового общество не придумало с тех самых времен. Опять на развилке путей: одна часть общества страстно желает нового буржуазного, капиталистического устройства, другая, по памяти хочет восстановить времена дворянские: барин, хозяин имения, слуги и «крепостные крестьяне», по новому «фермерство».

В то время ситуацию оценил и понял Ф. М. Достоевский. В январском выпуске «Дневника писателя» в 1877 году, он писал о том, что в русском обществе есть «черты какой-то новой действительности»....

Эта действительность отличалась от той, какая была в прежнем дворянском круге, историком которого, по его мнению, был Л. Толстой. Вот как он писал: «Пришел какой-то новый, еще неизвестный, но радикальный перелом, по крайней мере, огромное перерождение в новые и еще грядущие, почти неизвестные формы...» Можно провести параллель на наше время. Есть настрой построить новое общество, а света в конце тоннеля из старого прошлого не видно: с одной стороны капитализм, а с другой фермерство и крестьянская община.

«Чувствуется...», – писал в своем „Дневнике писателя“ Достоевский, – что огромная часть русского строя жизни осталась вовсе без наблюдения и без историка. По крайней мере, ясно, что жизнь средне-высшего нашего, особенно круга дворянского, столь ярко описанная нашими беллетристами, есть уже слишком ничтожный и обособленный уголок русской жизни. Кто ж будет Историком остальных уголков, кажется, страшно многочисленных? И если в этом хаосе, в котором давно уже, но теперь особенно, пребывает общественная жизнь, и нельзя отыскать еще нормального закона и руководящей нити даже, может быть, и шекспировских размеров художнику, то, по крайней мере, кто же осветит хотя бы часть этого хаоса и хотя бы и не мечтая о руководящей нити? Главное, как будто всем еще вовсе не до того, что это как бы еще рано для самых великих наших художников. У нас есть, бесспорно, жизнь разлагающаяся..., но есть, необходимо, и жизнь вновь складывающаяся. На новых уже началах».

Большинству молодых писателей того времени, тех 1880-х годов оказался не по плечу Пафос творчества великих предшественников, сила их протеста против социального зла, бесстрашие их философских исканий. Но и то, что в произведениях этих писателей было явно predetermined влиянием Толстого или Достоевского, Щедрина или Некрасова, звучало ослабленно, приглушенно. Однако это не только не препятствовало, а, наоборот, способствовало популярности таких произведений.

Провести параллели к нашему времени опять не составит труда.

Обессиленные идеи, тени, а то и просто почти карикатурные подобию великих образцов были как раз по вкусу читающему обывателю, который уже и в те годы оказывал решающее воздействие на состояние книжного рынка. Но в то время появилось, и неизбежно должно было возникнуть и встречное движение: появились писатели, сознательно и преднамеренно приспособливающиеся к запросам читателя. Тут уже не могло быть и речи о какой-то выдержанности направления; всё большее распространение получила эклектическая подражательность: немного от Достоевского, кое-что из Толстого и Тургенева и совсем чуть-чуть такого, что отдаленно напоминает Щедрина.

Вот примерно так пишут наши современные «писатели». История повторяется.

Конец.

Юркина любовь

Когда слушаешь ночью у костра на рыбалке друга, с которым не виделся много лет, не грех сболтнуть лишнее, во время разговора. Особенно, когда, как и всякая рыбалка, не обошлось без спиртного. Во-первых: уха без водочки, да и за воспоминания.... Так мне рассказал Юрка о своем сокровенном.

Сначала про себя: окончив школу, я уехал учиться в далекие столицы, потом работал в далеких городах. А как вернулся на родину, сразу же, чтобы вспомнить молодость и юность свою – я пошел в наш старый рыболовный магазин покупать снасти. Я «затарился» всем необходимым для рыбалки с нуля: рюкзаком, удочкой, набором крючков и лесок, под конец примерял на себя и рыбацкую курточку от спецодежды, висящей тут же на вешалах. Вот тут мы и встретились с Юркой.

Ого! Я бы не узнал его сразу. Этого лысоватого человека с животиком и впалыми щеками, контрастирующими с широкоплечей рослой фигурой. Он сам ко мне подошел. И только присмотревшись вблизи, я увидел знакомые черты одноклассника-отличника Юрки.

Увидев, что я экипируюсь, собираюсь на рыбалку, он конечно же вызвался поехать со мной, тем более, что места те изменились, угадав что я собираюсь именно туда, пояснил Юрка. Он сообщил, что только что в те прошлые выходные был там, на нашей быстрой речке, – и там где раньше протекало русло, теперь застывшая вода старицы поросшее кувшинками, а река пробила новое русло среди песчаных берегов. Так что наша полянка, с устроенным кострищем, с лавками и столиком и местом для палатки над рекой на высоком берегу, – теперь далеко от реки. Место, куда мы ездили в юности с друзьями-одноклассниками теперь устарело, надо чуть ли не с два километра идти и искать новое местечко и для рыбалки и для отдыха.

Мы дружили с Юркой со школьной скамьи. И многим я был ему обязан: а именно в учебе по математике. Юрка много мне помогал, объяснял в последний год учебы, когда проходили логарифмы, производные по алгебре. Я так и не понимаю до конца, что это такое, как не понимаю тангенсы и котангенсы, которые в жизни ни разу не встречались и знания о них ни разу негодились.

А наш друг, не только мой, а почти всех многих одноклассников, был очень умным, во всяком случае, гораздо умнее меня. Но его ум не стеснял, не подавлял общения со сверстниками. Юрка был легок, непринужден и весел со всеми одинаково. Он своим умом быстро схватывал в жизни, в людях, в книгах самое главное, самое характерное и подавал это окружающим друзьям то в смешном, то в трогательном лирическом виде: а злого и глупого он будто бы не замечал. Конечно, он был и «душой компании» что называется.

«Ну, когда я окончил школу с отличием, естественно встал вопрос куда поступать. В те времена, – ого-го! Мы мыслили другими категориями. Институт – он для меньшего ума человека! Политех, например, – что там? Будешь инженеришкой на каком-нибудь заводе.... Так же тогда мыслили? Мои родители в том числе. Вот я и решил идти в Университет. Чтобы стать ученым, доктором наук, академиком, в перспективе, – так им родителям думалось. И это решило дело. Поступил я в наш «центральный» (по названию местному) НГУ – N-ский Государственный Университет.

Другое дело, пригодилось ли мне это высшее университетское образование. Сам понимаешь, – перестройка и развал, и в те времена никто по своей специальности не работал. Я и теперь, вот, зам в одной фирме, как-то укрепился, но очень далеко от специализации, на которую учился. На Истфак – на исторический поступал» – так сбивчиво начал свой разговор Юрка-одноклассник у костра, вечером, после рыбалки.

И далее я приведу рассказ своего одноклассника в моем вольном переложении, так как он мне запомнился:

«Студентов отправляли в колхозы на уборку урожая, в виде шефской помощи. Для меня – городского жителя и для многих студентов, я думаю, воздействие природы на юные организмы было впечатляюще. Только месяц назад познакомившиеся студенты и студентки первого курса уже проявили симпатию друг другу. Девушки гуляли друг с другом, став подружками, а парни гуляли с парнями группами по вечерам. Пары (парень – девушка) находились не сразу. Чтобы девушка отважилась прогуляться с парнем, нужны были определенные обстоятельства.

А этим обстоятельством была совместная работа на поле по уборке картофеля. Впереди шел комбайн, который выкапывал картофель, пропускал его через дрожашую ленту и оставлял после себя на поверхности земли клубни. За комбайном шли студентки с ведрами и собирали в ведра рассыпанный картофель. А рядом шли парни с мешками, в которые девушки ссыпали картофель. Полные мешки кто-нибудь из самых здоровых парней таскал на край поля, где мешки с картошкой загружали в машины. Процесс уборки, надо сказать, был тяжелый: поднимать ведра полные картошкой для девушек было трудно, и тут помогали парни, девушка только придерживала мешок.

Так девушки ближе знакомились, и только по им одним известным принципам выбирали себе парней: кому-то нравился более сильный, кому-то веселый и шутливый, шустрый. Юрка воплощал все качества. Он весело шутил и веселил девчонок, и был физически сильным, и живым и шустрым. Так что с тяжелыми мешками быстро, чуть ли не бегом, ходил от середины поля на край его, чтобы вернуться к своей стайке девушек. На свой ряд, пропаханный комбайном, вставали три девушки и два парня. В «команде» с Юркой были три красавицы Света, Лена и Марина, а напарником был Вадим, худенький парнишка, но с амбициями. Он пробовал тоже уносить полный мешок с картошкой на край поля, но это было долго и девушкам приходилось его ждать или самим ссыпать ведра в следующий пустой мешок, пачку пустых мешков они таскали с собой. Пустые мешки привозили им из овощехранилища. Там увезенную с поля картошку из мешков высыпали.

Тогда Юрка распорядился, решил, сразу став как «старший», командир, – что относить полные мешки будет он один, а Вадик оставался помогать девчонкам. И Юрке пришлось бегать. За это он заслуживал дополнительное восхищение и уважение от всех девчонок. А среди них уже шел спор: кому достанется Юрка – сильный и веселый. Это ему Вадик потом рассказал, что девчонки спорили. А спорили потому, – что скоро, буквально через день, как было объявлено, в ближайший выходной, в деревенском клубе будут танцы, после обычного просмотра фильма. И девушки решали между собой, кто пойдет с Юркой, а кто с Вадиком.

Вот примерно так решилось, что девичий спор выиграла Марина.

И на танцах Юрка был с Мариной, так они сблизилась, вместе пошли гулять к небольшому озеру на краю деревни на природу, сидели, любясь луной и звездами на природе: у девушки, осенью, замерзали плечи, а парень снимал свой пиджак и накидывал на нее, обнимались и целовались, как это водится. Это была первая симпатия, первая влюбленность, от которой у молодого парня кружится голова. Всё как в романах.

И Марина оказалась во многом активнее Юрки, может быть от того, что это у неё была не первая влюбленность, а Юрка «потерял голову и чувства реальности», от признаний девушки, сам он только внешне был балагур, на людях, а наедине был жутко стеснителен. А признания девушки запомнились ему, наверное, на всю жизнь. Примерно так:

«Я тебе должна признаться, – хотя это мне немножечко стыдно, – что когда я увидела тебя, то сразу же почувствовала, что ты будешь моей радостью и я буду твоей радостью. – Ах! Эти первые, быстрые, как искры в темноте, летучие предчувствия. Они вернее (точнее), чем долгие знакомства, длящиеся месяцами».

И был «сеновал», вернее стог сена в чистом поле, куда мы ушли от деревни. И этот запах сушёной травы, тоже опьянял, позволяя нам сделать много глупостей. Конечно, в ответ я сказал, что люблю Марину и она сразу покорилась провидению или судьбе.

А на рассвете, в косых лучах восходящего утреннего солнца, она после бессонной ночи, вдруг так похорошела, так порозовела лицом, как роза расцвела и посвежела. Как представилось мне, – ну вот, как будто бы она в это утро каталась на коньках по морозному катку и вся благоухающая снегом и здоровьем предстала предо мной в этом холодном осеннем рассвете.

Она была в чём-то умнее, умудрённее что ли. И разговаривала будто не со мной, а со своим отражением в утреннем тумане. «Давать в любви обещания и клятвы... разве это не грех, это тяжкое оскорбление самого чувства любви, любовь бескорыстна», – ответила мне Марина, когда я обещал любить её вечно и любить только её одну. Ей вероятно известно было что-то большее в жизни, был опыт. А тогда мы провели с ней приятный месяц – «медовый», и работали и вечера все были рядом. Эти дни навсегда, неизгладимо врезались в памяти. Я помню каждое слово, каждую улыбку; теперь это – моя «тайная шкатулка с сокровищами».

– Вижу, дружище, что я тебя заговорил, – сказал тогда Юрка, увидев мое молчание и приняв его за смущение.

– Возможно у тебя есть своя история первой твоей любви. Но жизнь она полна умными вещами и каждое событие в жизни, как глава из учебника. А то был так называемый пубертатный период – сказать тебе умными словами. А как ты знаешь, я был всегда умнее всех в классе. И с годами вообще много философствую. Это «событие», в кавычках конечно, потому что это великое событие сейчас видится мне по-другому, и Марине я многим обязан.

О, как много она мне дала и какой я перед ней неоплатный должник. В любви Марина была, мне кажется, истинной избранницей. Знаешь ли, какая мысль приходит теперь мне часто в голову? Думаю я так: инстинкту размножения неизменно подчинено всё живущее, растущее и движущееся в мире, от малой клеточки до Царей-Кесарей. Но только человеку, этому цветущему перлу и вершине творения, ниспослан полноценно великий дар Любви. И посылается совсем не так уж часто, как это нам кажется, – будто бы все молодые испытывают это чувство. Я встречал многих, которые и понятия не имели о любви.

И ты знаешь! Все эти случаи о высокой, самой чистой, самой преданной любви – выдуманы талантливыми поэтами и писателями, которые жаждали такой любви, но никогда не находили её, потому что в жизни её не бывает. Есть мимолетное недолгое умопомрачение – и всё.

(Я был не склонен к философии, был примерным слушателем и все рассуждения Юркины почти дословно «записал в своей памяти»).

Видишь ли: все мы мыслим, думаем, философствуем, я полагаю, каждый, непрерывно, в течение всей жизни. Но настоящих философов человечество знает не больше десяти – двадцати. Все мы умеем рисовать фигурку человечка: два кружочка, один с двумя точками-глазами, и вместо рук и ног четыре палочки. Миллионы художников рисовали картины намного лучше, а иные и гораздо лучше, но ведь есть пределы такие до которых никто не мог добраться, – есть Леонардо да Винчи, Рембрандт, Рафаэль. Кто из нас не умел бы промурлыкать легонький мотивчик или подобрать мелодию одним пальцем на пианино? Но наши музыкальные способности не сравнятся с гениями – с Бетховеном, Моцартом или Вагнером. Так мы не можем сравниться с гениями ни одной общей душевной чертой.

Иные люди от природы наделены большой физической силой. Другие рождаются с острым зрением, что свободно видят даже кольца Сатурна в ночном небе. Так и Любовь. Она – есть высочайший и самый редкий дар неведомого бога.

Подумай-ка. Сколько миллиардов людей от сотворения мира сходились, наслаждались, оплодотворялись-размножались и занимались этим в течение миллионов лет. Но много ли раз ты слышал о большой и прекрасной любви, о такой любви, которая выдерживает всякие испытания, преодолевает все преграды и соблазны, торжествует и над бедностью, болезнями и кле-

ветой и долгой разлукой. Это воспето только в поэмах и в сказаниях, как мечта, а было ли на самом-то деле?

Покажется тебе, что я несу бред. Не спорю. Может быть я тут выпил чуточку лишнего. Но была такая эпоха, напомним тебе. Когда человечество вдруг осознало всё болото грязи, мерзости и пакости, которое засосало любовь, и сделало попытку вновь очистить и возвеличить её в виде идеала женщины. Это была эпоха рыцарства средневекового, о рыцарях вспоминают теперь при каждом слове о любви. Рыцари поклонялись перед прекрасной дамой сердца. И как жаль, что это почти священное служение женщине выродилось в карикатуру Возрождения – в Дон Кихота Ламанческого, в шутивную трагедию.

Но кто знает, кто знает грядущие судьбы человечества? Оно столько раз падало ниже всякого животного..., как в Египте при Клеопатре были развращенные оргии, как в Римской империи было попропано чувство любви: можем видеть на раскопанных Помпеях, где на домах и на дорогах указатели к развратным утехам найдены, и все знают о разврате и оргиях патрициев. Может быть, человечество снова поднимется в божественный рост. Может быть, опять придут аристократы духовные, жрецы любви истинные, поэты и рыцари, целомудренные её поклонники?!

Вот и все – разочаровано сказал он в конце своего философского рассуждения. – Я уже говорил тебе о двадцати философах в истории. И мне не быть двадцать первым. Тем более что одни из философов как-то сказал: «помолчи – и будешь философом».

Я потерял мою любовь очень быстро, даже полгода не хватило. Она уехала, отец её из воинской части переехал далеко в Сибирь, и она перевелась в другой университет. То ли в Красноярск, то ли в Новосибирск.

А моя волшебная Марина, была создана богом любви, именно для большой, счастливой любви. И она остается у меня в памяти навсегда».

Но любовь крылата! как говорят все поэты. И знаешь, я был разочарован в своей способности к любви в дальнейшем. Еще не раз я пытался найти любовь, вторую и третью. Но оказался не способен обрести такую же, как та. А та, первая любовь будто имела два белоснежных лебединых крыла и летала в небесах вместе с птицами. А все остальные мои влюбленности были, как полеты пингвина, который только и мог бежать по земле, расправив свои небольшие крылышки. Земные бытовые вопросы всё время не давали мне оторваться и вспорхнуть. Другие женщины, которые мне встречались оказывались как пчёлки, которые и способны были летать, но от цветка к цветку, собирая пыльцу и принося домой свой мёд. Они всё собирали в дом, в дом.

А у каждого человека в душе, где-то в её плохо освещенных уголках, бродят такие полутёмные, полумысли, почувства, полуобразы, о которых стыдно и стеснительно говорить вслух даже другу.

«Теперь вот я одинок» – заключил Юрка.

И в душе моей сохранилось много, много сладких чудесных воспоминаний, заветных кусочков нашей неповторимой любви с Мариной. Её любовь была проста, невинна и свежа, как дыхание цветущего растения. Она любила меня так же радостно и беззастенчиво, как в первое свидание. У неё не было любимых словечек, ни привычек в ласках. В одном она оставалась постоянной: в своем изяществе, которое затушевывало и делало незаметным все грубые, земные детали любви.

Да. Дружище. Это – целая книга. И перелистывая страницы её в душе, я испытываю жестокое уже, жгучее наслаждение, – точно бережу рану. Мучаюсь мыслями о невозвратном времени, и в этом моя горькая утеха.

Юрка был дважды женат. И оба раза не имел детей, «до этого не доходило», как он сам выразился. Вот таким воспоминанием он поделился во время нашей встречи.

Конец.

Кризис (рассказ)

Известны в последнее время разговоры про энергетический кризис.

Но это не во всем мире. Мир планеты Земля слишком разный. Одни люди от дела к делу перелетают самолетами, по работе, и настолько это стало их бытом, что едва входят в самолет, сразу же спинку кресла в положение «полулежа», темную повязку (специально возимую) – на глаза, «тампоны» в уши: чтобы и свет не беспокоил, чтобы и шум не будил. И успевают выспаться за перелет, и выходят из самолета в месте назначения бодрыми, с первой минуты готовыми функционировать.

Другие люди живут будто бы в прошлых веках – для них и сейчас еще не настал век колеса.

Но то что называют Западом, что само себя именует цивилизованным миром, – эта часть света ощутила вдруг толчок тревоги.

Пока всё также бегают во всех направлениях по телу Земли сотни миллионов машин. А Земля со всем скарбом, что растет на ней и что воздвигнуто человечеством за тысячелетия, – всё также вращается вокруг Солнца и ночь сменяет день, а зима сменяет лето, но, кажется, во всей природе поселилась новая тревога, переволновался и сам климат Земли. Таким вдруг зависимым, непрочным показалось всё наше человеческое сооружение. Чуть тряхнуло из глубины, чуть повеяло ураганом-двумя, и зазвенели люстры, люстрочки, все эти стеклянные подвесочки: чем больше, тем страшней.

А бывали полуанекдотические предупреждения еще в прошлом более тихом веке. Однажды крысы перегрызли центральный городской кабель в городе миллионнике, вызвав короткое замыкание огромной силы – и жизнь остановилась. В шахтах небоскребов повисли лифты, остановились поезда в туннелях метро, прекратилась подача воды, воздуха, которые подаются всё той же электрической силой... Потом всё завелось, еще ослепительней вспыхнуло светом, когда кабель восстановили. Но в те часы без электричества дано было людям испытать, на какой тонкой ниточке подвешено их благополучие. Единственные из всего животного мира люди, окружившие себя искусственной средой обитания, становятся беспомощными, как только перестает работать на них электрическая энергия, которую они привыкли вызывать нажатием кнопки. Без электричества уже и ведра воды негде добыть себе: в городе всюду асфальт и бетон, скважины за городом.

Другая сторона цивилизации живет почти «первобытно»: огромные территории пустующей Земли, а люди живут в поселениях даже безо всякого электричества. Есть страна Канада, например, где людей очень мало. В десять раз меньше чем в США, и на каждого человека в Канаде приходится по озеру. Где это еще встретишь: озер в стране столько же, сколько людей. Даже больше: на двадцать два миллиона населения двадцать три миллиона озер. Большинство озер – на севере Канады, в лесах, в пустынных тундрах. А города, дороги, людская жизнь только, в основном, в стопятидесятикилометровой полосе вдоль границы с США.

Ветер бывает и ураганный, особенно перед началом грозы, молнии которой мелькают уже недалеко среди темных дочерна туч. С другой стороны еще бросает солнечные лучи закат; они пробиваются сквозь заходящие за горизонт серые облака, гонимые черными тучами вслед заходящему солнцу. Оттого природа разделяется, на взгляд, надвое. Светлая её половина уменьшается, а со стороны грозowych туч погружается в темноту, так, что и леса не видно за сплошной пеленой дождя.

Предупреждение насчет грозы Николай Евдокимович слышал по радиоприемнику с вечера вчерашнего дня и все-таки вышел с утра к реке и теперь был рад, что синоптики хоть немножко ошиблись: сказали, что завтра будет гроза и штормовой ветер, но он целый день с удовольствием провел на рыбалке. Ветер был, и тучи были, скрывающие солнце, но гроза пришла только к вечеру, к самому закату.

Сейчас, приближающаяся и всё не решающая разразится гроза, своим сильным ветром, словно приплюскивала его к земле, когда он собирал снасти и упаковывал рюкзак. Что-то слишком быстро началось.

«Горе-рыболов, – что ж я сижу-делаю тут под деревом? – думает он. – Ведь даже школьник первого класса знает, что нет ничего опаснее, чем прятаться от грозы под деревом». И он поднимается, с трудом выпрямляя ноги и спину радикулитную, затекшие от долгого стояния полусогнутым к земле. Бесчисленные мурашки бегут под его кожей. «Вот, точно, как электрический ток, – думает Николай Евдокимович. – А почему бы и в самом деле этому ощущению не быть электрическим явлением? Некий разряд электрического тока пробегает по всему телу. А это в грозу опасно..., – только успел он подумать, как в темном небе и между крупными каплями начавшегося дождя сверкнуло ярким светом.

И в этот момент Николай Евдокимович тяжело падает на землю оглушенный и ослепленный яростными – молнией и громом. Небо, воздух и земля заволакиваются густым зловещим мраком. Ураганный ветер приносит секущие крупные струи дождя. Ревут два прибрежных дерева, между которыми он стоял на берегу реки. Трещат, ломаются ветки, с чертовским грохотом и стоном наклоняется ствол многолетней ветлы сломанной посередине ударом молнии, и с жалобным стоном падает в метре от него, выворачиваясь при падении и задевая его ветками. Раскачивается и второе дерево, поменьше, нагибаясь до земли, до невысокой крутизны спуска к реке. Молния и гром, не переставая ни на минуту, уже бомбят окраину лесополосы отделяющей речку от полей, в десяти метрах от воды, а потом уходят бомбить дальше.

Николай Евдокимович, весь промокший в минуту и не видящий пути-дороги, с великим трудом пробирается между деревьями, инстинктом памяти находя тропинку и вновь теряя её петляния. Когда он выходит на край лесополосы, молния словно шагает по полю, удаляясь к горизонту, и дождь становится ровным и мерным.

«О, Боже мой! Вот ведь напасть, чуть не убило!» – в поле он старается не выходить и пережидает под крайней березкой лесополосы, чтобы сориентироваться. И через минуту, ловко вскинув на плечи рюкзак, в сером мареве дождя найдя грунтовую дорогу, он храбро шлепает по лужам....

В среднем течении, далеко от верховьев и ближе к устью реки N стояла старинная деревенька. В долине реки было теплее, так как она защищена была с обеих сторон небольшими сопками-горками, поросшими лесом. И тона природы в долине небольшой речки были мягче. Тут главенствовал лиственный лес с березками, типичными для среднерусской равнины. Деревенька не претендовала на большой райцентр, но была центральной усадьбой колхоза, включавшего еще более мелкие две деревеньки долины и несколько на возвышенности за сопками.

Деревня имела с обоих концов по отстроенным и уже состарившимся животноводческим комплексам. Ближе к реке стояла свиноферма в два длинных барака для содержания скота и с выгулом, отгороженным бревенчатой оградой: длинные нетолстые бревна просунуты в скобы на железных столбах-трубах.

А сверху у полей с посаженной люцерной на силос находился комплекс КРС, с телятником, отделенным от трех длинных строений фермы по 50 голов в каждом.

При «царе Горохе» вся поверхность долины была покрыта кочками-возвышенностями, ямами-болотцами, озерами и мелкими речушками, впадавшими в речку N. На дорогах между деревеньками верховые лошади вязли по колена, телеги приходилось толкать. Теперь же болота

осушили, всё раскорчевано и построены щегольские дороги и изумительные по своей гладкости и совершенной прямизне. Теперь в долине не было холмов и возвышений, это были совершенно ровные поля с пашнями, покосами-выгонами и зелеными рошицами.

Перед рыбалкой Николай Евдокимович ходил на ферму молочно-животноводческую, где в стороне от коровников виделись кучи навоза, чтобы накопать самых лучших кольчатых навозных червей. Там он встретился с местным жителем, немолодым уже, в возрасте, соседом Иваном, который работал на ферме скотником почти всю свою жизнь. Иван предложил посмотреть ферму оборудованную «по современному образцу».

«Закончилось доение ручное, как ты знаешь это из детства, когда бабушка твоя дояркой работала. И нам уже не надо молоко через марлю в бидоны фильтровать, а потом бидоны на молокозавод в район на телегах возить» – сказал Иван с некоторой гордостью в голосе. – «Прогресс пришел! Вот и навоз транспортером выкидывает на улицу» – показал он рукой.

Они начали осмотр фермы с того помещения, где завершается весь круг работы и природы и человека и животных. В высоком пристроенном к коровнику доме устроен был цех приема молока. Туда пошли сразу, потому что Иван сказал, что можно свежего молока попить, после только что прошедшей дойки на зорьке. Здесь на цементном полу стоит резервуар из нержавеющей стали: танк. К нему подведены из коровника стеклянные трубы. Во время дойки они белые: по ним течет молоко в танк, который одновременно – холодильная установка для хранения молока. Фирма, забирающая молоко раз в двое суток, установила его. Фирма же контролирует чистоту промывки резервуара, всей аппаратуры, труб.

Теперь во всех промышленно развитых не только на заводах, но и в сельском хозяйстве властвует прогресс. Все работает от электричества. Теперь всё зависит от нажатия кнопки, чтобы привести в действие работу двигателей и транспортеров и многих других приборов. Человек тратит силы для этого столько же, сколько тратит ребенок, нажимая кнопку лифта, или женщина, включающая пылесос, или инженер, пускающий в ход конвейер. За всех за них работает энергия, пришедшая по проводам от электростанций. От гидроэлектростанций, где вода вращает турбины, или от ТЭЦ, где сжигают уголь добытый другими людьми.

Труд современного крестьянина неотделим от труда всего общества. И нет в этом круговороте четкого начала, и нет четкого конца, и невозможно выделить кого-либо одного, – некоего кормильца: вот он, мол, с сошкой, а каждый из вас остальных – с ложкой.

Но современное производство отличают не отдельные высокие достижения промышленности: транспортеры, и автопоилки, и электродойки. Не они движут конвейер.

В сущности, ведь конвейер не изобретен людьми, а подсмотрен в природе, как большинство человеческих изобретений. Можно сравнить с желудочно-кишечным трактом: – Вы проследите за комочком пищи от того момента, когда мы проглатываем его. Вот он пошел по пищеводу, потом в желудок... и так далее. Каждый орган организма выполняет свою операцию. Стоит одному органу выйти из строя, и весь конвейер придет в расстройство, всё начинает не срабатывать. На что будут направлены усилия врача? Наладить этот конвейер, снова пустить его в ход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.